

Фото Алексея Жданова

Имя для города

Во времена давние, достопамятные люди жили в стабильном мире, преисполненном постоянства, и свято верили в то, что так оно и будет впредь. Такая вера подтверждалась многими реалиями окружающего мира: каждый день поутру всходило солнце, речка, именованная, к примеру, Летой, текла в одну и ту же сторону, а стоявший на берегу реки город неизменно носил одно и то же имя. А, скажем, обитавший в доме напротив сосед Матвей всю жизнь Матвеем и оставался. Впрочем, не совсем так. Если в городе значилось несколько Матвеев, то один из них, самый заслуженный, мог к своему личному имени присовокупить имя города... Благодаря этому приёму обособления имени мы сегодня знаем Таис Афинскую и Гераклита Эфесского, а Диогена Лаэртского можем отличить от Диогена Синопского.

Однако людям всегда хотелось изменить мир, в котором они живут. Но подвергнуть изменениям можно было лишь то, что люди создали сами, а вот сотворённое Богом – природные явления, например, упорно не хотели становиться другими. Отчаявшись, люди отступились, утешившись простой хитростью: то, что не меняется в действительности, может измениться посредством слов – и тогда создавалась иллюзия, что, изменяя имя вещи, можно изменить и саму вещь. Особенно распалась страсть к переименованиям в периоды реформ, революций и всякого рода перестроек.

В эпоху реформ Петра I строились новые города, которые и имена получали необычные, странные (то есть ино-странные): Санкт-Петербург, Кронштадт, Ораниенбаум (ныне Ломоносов), Оренбург (в советские времена недолго носивший имя Чкалов, но впоследствии вернувший прежние наименование). Откуда брались имена у «старых» городов – Москвы, Ростова, Смоленска – люди особо не задумывались: казалось, что они, эти имена, были всегда.

Имя Симбирска старше самого города. Прежде чем стать именем собственным, оно было самым что ни на есть нарицательным. Словом «симбир» называли свои располагавшиеся на возвышенных местах буддийские молельни монгольские воины, побывавшие в наших краях в золотоордынский период. Впоследствии монголы ушли, а имя осталось, став именем собственным. С появлением Засечной черты так стал называться выстроенный вокруг здешней крепости посад, а затем и город – Симбирск. Вообще иноязычные имена довольно легко приживались на неродной почве и сохранялись благодаря своей экзотичности.

Впрочем, в конце XIX века в России возникнет мода на всё русское, и позиции иноязычных имён пошатнутся. А с началом первой мировой войны персоной «нон грата» будут объявлены имена некоторых городов, имеющих немецкое происхождение, и тогда Санкт-Петербург превратится в Петроград.

А в 1924 году накатит новая волна переименований, и тогда Петроград обернётся Ленинградом, а Симбирск станет Ульяновском. В эти трагические и одновременно романтические времена идея строительства нового мира так прочно овладеет умами наших соотечественников, что начнётся повальное увлечение придумыванием новых имён для «новых людей». Сегодня такие имена воспринимаются как курьёз, нелепость. Какой-нибудь

Кузьма Панкратов мог зайти в сельсовет, а выйти оттуда человеком с новым именем, например, таким: Пулемёт Краснофлотский.

Старые города в новую жизнь входят с новыми названиями, в которых нередко всё-таки слышатся прежние «царские» имена: Новоалександровск, Новопавловск, Новониколаевск. Формируются типично «советские» модели поименования городов: Краснодар (бывший Екатеринодар), Краснодар или, скажем, Советск.

Но главное «достижение» этой эпохи состоит в том, что от имён людей (точнее, от их фамилий) теперь образуются названия городов. Советский человек окончательно овладел механизмом имянаречения. И «процесс пошёл»: Ленинград, Киров, Свердловск, Дзержинск, Куйбышев, Энгельс... Ну и, конечно, Ульяновск.

Понятно, что Симбирск был обречён на переименование. Но для того, чтобы стать Ульяновском, необходимо было отсеять возможных конкурентов. Как известно, жители города Шацка Рязанской области и даже жители Новосибирска тоже претендовали на то, чтобы их город носил имя вождя революции.

Почти все остальные населённые пункты Симбирского края в ту пору сохранили исконные названия.

Как только Симбирск стал Ульяновском, в городе началось переименование улиц и площадей. Так появились названия улиц К. Маркса, К. Либкнехта, III Интернационала, а бывший Дворянский переулок переименовывается в улицу Коммунистическую.

В контексте развития культуры эти процессы абсолютно закономерны, потому что подобное всегда случается на стыке различных эпох. История нашей национальной культуры знает по меньшей мере два таких узловых момента, когда происходила радикальная смена ценностей, сопровождавшаяся тотальным переименованием людей, вещей и населённых пунктов. Первый момент подобного рода – крещение Руси. Второй – Октябрьский переворот.

Впрочем, теперь мы можем говорить и о третьем подобном моменте – «перестройке» (советскую эпоху сменила постсоветская). Однако в данном последнем случае неверно было бы говорить о кардинальной смене ценностей, потому что сейчас мы переживаем такой период, когда устанавливается более или менее гармоничное сочетание ценностей всех минувших эпох. Вот, к примеру, какие праздники мы отмечаем в начале каждого календарного года: Рождество и Крещение (христианство), святки и Масленицу (язычество), День защитника Отечества и Восьмое марта (праздники советской поры). Так что мир, в котором мы теперь живём, – это без преувеличения мир плюралистичный. Именно в силу данного обстоятельства на табличках, обозначающих имена улиц в центре города Ульяновска, появились двойные названия: Гончарова/Большая Саратовская, Л. Толстого/Покровская, К. Маркса/Дворцовая...

Что же касается имени самого города, то его жители как-то и не заметили, что оказались в городе с двумя названиями: Ульяновск/Симбирск. Возможно, это и есть тот оптимальный вариант, который всем нам нужен. В конце концов, город, имеющий два имени, богаче любого другого.

Владимир Янушевский